

Зоя Владимировна Елисеева

Массажист

Рассказы и шутки

Зоя Елисеева

Массажист. Рассказы и шутки

«Издательские решения»

Елисеева З. В.

Массажист. Рассказы и шутки / З. В. Елисеева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855169-7

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Учительница английского языка приехала в США и случайно вышла замуж за три недели. Эта книга рассказов написана и составлена после окончания первого замужества — через девять лет. Неунывающая Зоя весело рассказывает о своих попытках вторично выйти замуж, об интернетных свиданиях и о характерах, которые ей встретились на американской земле. В приложение к рассказам в книгу включены шутки, которые Зоя старается сразу записывать. Эта книга — веселый экскурс в незнакомую культуру.

ISBN 978-5-44-855169-7

© Елисеева З. В.
© Издательские решения

Содержание

Русский борщ по-американски	6
Стриптизерша	7
Библиотекарь	11
Массажист	13
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Массажист Рассказы и шутки

Зоя Владимировна Елисеева

© Зоя Владимировна Елисеева, 2017

ISBN 978-5-4485-5169-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Русский борщ по-американски

С борщом они переборзили, а вернее недоборзили...

Бродя по супермаркету в размышлении о том, что бы такого купить неординарного, я набрела на полку, на которой стоял борщ. Мне уже раньше встречалось это явление в американском супермаркете, и я помню, очень веселилась. Теперь же я решила поподробнее ознакомиться с борщом по-американски. Я чувствовала, что это знакомство мне принесет много радости, и не ошиблась. Спешу поделиться. Я хохотала потихоньку в супермаркете, и теперь ночью, когда пыталась заснуть, я вдруг вспомнила борщ. Я стала опять резвиться – мне было уже не до сна.

Во-первых, мне, как лингвисту, очень смешно само написание слова «борщ» поанглийски. В английском языке это слово имеет семь букв, хотя произносится так же (borscht). Новорожали они с написанием видимо потому, что им трудно произнести звук «щ».

Borscht налит в стеклянную баночку, емкостью около литра. Он темно-бордового цвета, который ему придают тоскливо плавающие на дне мелкие кусочки свеклы. Borscht очень жидкий, просто бордовая водичка. Если прочесть состав ингредиентов, то вы быстро поймете, что ваше зрение вас не обмануло, и что, действительно, кроме свеклы, там больше, увы, ничего не плавает. Правда надо отдать должное, соль там присутствует. Еще там есть какая-то vegetable gum (овощная резина), которая видно совсем не имеет ни цвета, ни массы, и поэтому, ничем и не выдает своего присутствия невооруженному глазу потребителя. Еще есть парочка химических, каких-то фосфатов-сульфатов. Вот теперь-то уж я точно все перечислила.

Стоит такой борщ очень дорого, около трех долларов. Везут его в Калифорнию, такой шедевр кулинарии, издавека, откуда-то из Нью-Джерси.

Представьте, когда американец или американка увидят такой борщ, что они подумают про русских. Ведь это одно из немногих русских слов, известных широким массам в Америке. Еще они знают «спутник, водка, пирожки и бабушка». «Бабушку» они произносят с ударением на «у», а «пирожки» с ударением на «о». Так вот, взглянув на такой борщ, они наверно подумают: «Надо же, бедненькие, едят такой ужас. И мяса-то они, поди, совсем не едят. Странно, почему это русские всегда кричат про борщ, как это вкусно?» И отойдет американец от полки в задумчивости. Это по-моему до того прискорбно (думать о том, что русские такое едят), что американец даже забудет на момент, что у русских столько же ядерного оружия, сколько у них.

Хоть пиши в Нью-Джерси и жалуйся на такую мисрепрезентацию (ложную презентацию) невинного борща. За державу обидно! Я не знаю, смешная ли получилась статья, но уверяю вас, если бы вы увидели этот борщ, вы бы судорожно хохотали минут пять подряд. Надо же, забыть мясо, капусту, лук, и еще семь-восемь ингредиентов! Кто живет в Америке, не поленитесь, зайдите в супермаркет и посмотрите в отделе овощных консервов на борщ – это вам поднимет настроение на день.

Декабрь 2000 г.

Стриптизерша

После окончания своей первой книги, где я описываю свое нелегкое, но оптимистическое вживание в американскую жизнь в пору своего первого, достаточно безоблачного (не считая финансовых трудностей), американского замужества, я оказалась выброшенной из спокойного тихого океана семейной жизни на скалистый неласковый берег развода и интернетных встреч в поисках мужа. Почти три года, пока я была в состоянии развода, моя душа была в смятении: как писать, что писать, на английском или на русском? Я начинала какие-то обрывки: рассказы, главы, но так ни одно начинание и не удостоилось завершения. Недавно я начала писать на английском и что-то запуталась, что хорошо, что плохо, муж нынешний мой «не подъедешь на козе», а пишу-то я о повседневной жизни, и что-то мне расхотелось продолжать. И вот я недавно наткнулась на свои записи, а там написана эдакая шутка-резюме: «осторожно, на английском, каждый дурак прочтет». Пока написанное на русском дойдет до американцев... Вон у меня бывший супруг и его матушка и до сих пор не знают, что в моей русской книге прямо черным по белому написано про нее несколько строк, а про него вообще много, например, что он наркотик принял. Но попробуй напиши на английском. А мне именно не терпится написать про все эти интернетные встречи. А потом вдруг напечатают в каком-то журнале. А вдруг тот журнал прочтет кто-то из моих коллег-учителей или кто-то из супружеских знакомых, и скажут ему: «А вот, твоя жена такая-рассякая, все про себя пишет». Я знаю, что мой супруг абсолютно бы не одобрил всех подробностей в печати. Так, прошлой ночью, вместо того, чтобы спать перед утренней работой, я разразилась рассказом, который и предлагаю вашему вниманию.

Несколько дней назад, в пятницу (слава богу я дослужилась в Америке за четырнадцать лет до того, что могу себе позволить не работать по пятницам) ко мне приехала Олена, одна из моих самых уважаемых подруг. Кстати, это про нее я в первой книге писала, что она де «несчастные гамбургеры жарит, обжигается». Олена сейчас учится на медика в экстренной медицинской помощи. Она замужем. Мы встречаемся редко, раз в два года, так как живем на расстоянии девяноста километров. Олена была моей студенткой десять лет назад. Тогда я вела начальный класс (начальный уровень английского) в колледже. Тогда же, однажды ко мне в класс пришли две студентки, мать и дочь, армянки. Дочь была очень симпатичная молодая девушка лет двадцати двух, мама же была чуть полноватая женщина, на вид около пятидесяти лет. Они сбежали из Армении в Германию в постсоветское время, прожили там три года, но Германия их не приютила, и тогда они правдами и неправдами через Красный Крест попали в Америку, вот в Калифорнию, в городишко, где нашли приют много русских и украинских религиозных беженцев.

Как-то раз, пару лет назад, я приезжала к Олене в гости, и делилась с ней своим разбитым сердцем: я была по уши влюблена в шерифа-художника в период моего трехлетнего безмужья и интернетных встреч. Олена же мне тогда сказала: «Что ты, Зойка, тут плачешь сидишь, хнычешь с каким-то шерифом. Вон посмотри на Ленку, помнишь, была у тебя в классе армянка? Так она не в твою рожу, вон разъезжает на „Ягуаре“, ни по кому не плачет: по ней мужики плачут. Стриптизерша она».

История с этой стриптизершей такая.

Во-первых, я не понимаю какие у нее отношения с родителями-армянами. Я знаю, что тут у нас есть армянский район Глендейл, это от меня миль двадцать по фривею. Там живет много армян из Ирана, из Армении – отовсюду. Как-то в бытность своего замужества с Майком, я помню, были мы вечером в одном двухэтажном ресторане где-то неподалеку от тех краев. Майкл там все знал, потому что в детстве где-то там жил поблизости и в школу ходил. Поужинав на втором этаже, мы спустились на первый и решили еще посидеть, посмотреть ТВ.

За соседний столик подсели трое армян-мужчин и заговорили по-армянски. Я говорю: «Майк, ты не против, если я по-русски попробую с ними поговорить?» Ну, Майк никогда был не против ничего (правда, и помощи не жди ни в чем) – типичный представитель американского мужа. И вот я заговорила с близсидящим мужчиной, который был на вид чуть помоложе меня. Его друзья были еще моложе и с ними у меня бы желания поговорить не возникло. Я не любительница воспитывать молодежь или выстраивать какие-то выдуманные мосты общения, разве что если это происходит натурально.

Арабские (или иранские) армяне, конечно, по-русски не говорят. Но эти оказались «русские армяне».

Близсидящего мужчину звали Гарик. После того, как мы с ним разговорились о том, о сем, он мне поведал одну очень интересную вещь, о которой я раньше не знала, хотя в молодости в Прибалтике и бывали какие-то армянские знакомства. Он сказал, что армянская нация постоянно внутренне конкурирует с еврейской нацией: кто лучше и кто главнее. Это показалось мне очень любопытным и действительно имеющим смысл. Арарат, религия и так далее. Обе народности расселены по всему миру.

Когда пришла пора уходить домой, мы с Гариком обменялись телефонами и он стал мне звонить время от времени, усиленно пытаясь меня пригласить в гости в Глендейл, особенно когда родители его куда-то уезжали на несколько дней. В гости я к нему не поехала, я тогда еще была замужней женщиной и девятилетнюю плотину верности еще не прорывала. Да и вообще зачем мне, русской, живущей в Америке, армянин, который ни работы не имеет, ни машины, зато имеет какие-то проблемы со здоровьем, живет с родителями, английского почти не знает, и т. д. и т. п. Гарик, после сорока пяти минут бесплодного уговаривания по телефону, ну очень обиделся, что я не хочу его навестить (имеется ввиду тратить свой бензин и изнашивать новую машину чтобы поспать с голодным до этого дела необустроенным в Америке армянином), и перестал мне звонить. Но до того разлучного момента, мы с ним несколько раз разговаривали, и я поняла, что здесь в армянском районе, так же, как и в других странах, где проживают армяне, например в Армении, соседи друг друга знают. Все друг друга уважают и обсуждают соседские дела, если что не так. Он говорил, что его женатому брату, что в Глендейле, хотелось бы гульнуть, но так как все там на глазах, то это невозможно. Представляете, это мужчина не может гульнуть, так как боится что жена и семья узнает. А что если молодая армянка начнет в стриптиз-баре плясать около шеста, так ее небось там поедом съедят и камнями забросают. Фигурально выражаясь. Как уж тут в Америке бы это было с этой их очень странной американской демократией, кто его знает. С демократией, которая самая демократическая в мире, но где законопослушные налогоплательщики (как Ваша покорная слуга) оплачивают в течении тридцати лет неплохое житье в тюрьме какого-нибудь жуткого насильника и убийцы, или насильника детей, а кто же вермя, какой-нибудь честный гражданин не может защитить себя от элементарного мошенничества. Меня обманул подрядчик на шесть тысяч долларов, не явился в суд, я все выиграла, но шериф видите ли уже три года его найти не может.

В ситуации с армянами, во всяком случае ясно, что родителям этой Елены Прекрасной, стриптизерши, из-за позора уж никак бы не жить в армянском районе на виду у всех. Наверно они живут где-то совсем отдельно, сами по себе, и скрывают профессию своей дочери.

Как же армянка Лена оказалась в такой «перспективной, высокооплачиваемой», в зависимости от клиента или сутенера, и «многоуважаемой» профессии?

Сначала она устроилась официанткой в бар. Бар видно был не простой, а со стриптизом. Потом она, девчущечка зоркая, заметила, что танцующие у шеста красавицы совсем-то и не должны иметь балетной школы в своем резюме. Она видно пришла домой и попробовала свои силы перед зеркалом. Пришла на работу – и добилась повышения: из официанток – к шесту. Когда Олена это все мне рассказывала, я ей сказала: «Знаешь, чаевые которые им бросают, не сильно-то большие. Какие-то долларовые бумажки им суют там в наставленную грудь.

Я так понимаю, что они все подпольные проститутки. Подпольные, потому что проституция в Калифорнии запрещена». На что Олена мне категорично ответила: «Ну нет, Елена Прекрасная клянется и божится что она ни с кем не спит из клиентов». «Ну да, – подумала я, не найдя нужным спорить с Оленой – ни с клиентами, ни с владельцем заведения, ни с менеджером, кто там ее нанимал, ни с кем она не спит. Только с мужем». Она действительно вышла замуж еще перед шестом и родила ребенка. Муж молодой, такой же как она, денег не зарабатывал, вот она и решила семье помочь. С мужем вскоре, однако, развелась. Потом она вышла замуж за пакистанского араба, который очень страшный на вид, но очень добрый, и старше лет на десять. Пакистанец влюбился выше крыши в Елену Прекрасную. Родители от него отказались из-за Елены. Но он до сих пор на ней женат, бедолага.

А недавно Олена меня посетила, аж через два с половиной года после вот этой рассказанной ею истории. Ну и конечно, так как мы с Оленой замужние приличные матроны, нам было интересно обсудить наряду с последними новостями в политике, развитие событий в семейной жизни Стриптизерши. Оказалось что Елене Прекрасной теперь двадцать восемь лет. Она сделала уже давно, еще в начале своей карьеры у шеста (как у станка все равно), искусственную грудь побольше, и докатилась до полной отдачи себя своей работе. Чтоб уж как следует. Чего там заработаешь подпольно в Калифорнии, надо жить в Лас-Вегасе. В штате Невада проституция законна и является атрибутом повседневной жизни.

Прекрасная живет в Лас-Вегасе, до сих пор с отверженным семьей пакистанцем, который почему-то нее не ушел. Я знаю почему: потому что достается клубнички и ему иногда. Так ему попробуй поищи женщину, а платным надо платить, а тут все таки жена. Она от него не ушла по своим причинам: тоже видно нет никого такого самоотверженного, как пакистанец. Она делает все что хочет. Вот недавно завела любовника – молодого араба, которому богатые родители из Эмиратов оплачивали тут учебу в университете. Молодой арабский студент позабросил все свои учебы, и, позабыв заветы родителей, окунулся со всею трепетностью молодости в любовь Елены Прекрасной. Арабские родители, тем временем, прознали про неуспехи сынули, прилетели в Лас-Вегас, и, вырвав влюбленного арабчонка из когтей женщины-вампа Елены Прекрасной, увезли его обратно в Эмираты. Хотели наверно дать сыну американское образование, но под напором американской культуры, передумали. А наша Елена Прекрасная, между тем, попробовала все что можно, и показывала Олене фото в неглиже с другой соратницей-шестовичкой. Я спросила, а живут-то они в доме, пакистанец и Елена?

Оказалось, что в квартире. Пакистанец работает каким-то менеджером, но видно зарплаты менеджера и стриптизерши не хватает, чтобы купить дом. А дома в Лас-Вегасе, между прочим, намного дешевле, чем в Калифорнии. Климат там пустынный, ни тебе океана, как у нас в Калифорнии. Я говорю: «Что же она будет делать через пару лет, когда ее место займет молодежь?» Олена откликается на это, что, мол, она очень жадная, родителям-армянам, которые перебиваются на пособия и мелкие подработки, она помогает мало. Копит деньги. Я поинтересовалась, есть ли у нее хоть сто тысяч долларов? Я назвала первопопавшуюся цифру. Дом или квартира, плюс счета, у нас в Калифорнии обходятся в низкосреднем измерении примерно двадцать пять тысяч в год. Столько лет горбатиться у шеста с риском для здоровья и сомнительным статусом общественного положения. За шесть лет она уже бы закончила университет и работала по профессии, зарабатывала стаж, опыт, и уважение окружающих. Олена на это ответила, что насколько понимает, ста тысяч у Елены нет, но пятьдесят может и есть. За пятьдесят тысяч не купишь даже квартиры. Разве только в заснеженной Индиане, где-нибудь в американском захолустье, можно купить дом за такие деньги. Но те, кто живут на юге, в популярных местах, как Лас-Вегас и Лос Анджелес, естественно не хотят жить на севере и в захолустье. Там холодно и экономика плохая, и не так весело.

Будучи по моему американскому образованию советником по образованию для колледжей, вот я и решила написать этот поучительный рассказ для молодых девушек: о том как

трудна, неперспективна и маловознаграждаема самая древняя профессия здесь в Америке, вот на простом примере из окружающей меня жизни. Учитесь девушки, получайте дипломы, не позорьте себя и свои семьи своим поведением. Гуляйте сколько хотите, но соблюдая приличия и не бросая учебы на профессию. Десятки примеров судеб русских женщин в Калифорнии проходят перед моими глазами, в основном все как-то стараются чему-то выучиться, а заодно и выучить язык как следует, но никто не додумался идти танцевать к шесту. Помоему танцуй себе дома сколько хочешь, но получи профессию. Ведь это не только деньги или не деньги, Елена Прекрасная плотно подседа на траву и без травы уже и жить не может (а-то может и на другие наркотики: я такая наивная – всему верю – мне сказали про траву, я и поверила). Кто не может жить без наркотика, у тех мозги едут так или иначе, прямо или косвенно. А от такого образа жизни они и так-то набекрень будут. Тут с современными стрессами, компьютеризацией, немалым количеством всяких видов сумасшествия в современной Америке, которая меня окружает, впору бы управиться со всеми делами и поддерживать хоть более-менее приличный и удобный для себя уровень жизни.

Какие уж там шесты.

Февраль 2009 г.

Подправка жизнью: «Былина» эта не имеет счастливого конца – героиня этого рассказа покончила жизнь самоубийством в 2015-ом году, как сообщила мне моя бывшая студентка.

Август 2017 г.

Библиотекарь

Эта история получилась из письма подруге в Мериленд: история о том, как я пыталась уйти от мужа, когда он еще не был моим мужем.

В период моих дейтингов (dating – ходить на свидания) я проверяла на «мужеспособность», вероятность быть моим мужем, одного библиотекаря. Мы никогда с ним не имели близких отношений. Он был невинным ягненком, уцелевшим от моих хищных атак скорпиона.

Работал Ягненок полный рабочий день в библиотеке Ю-СИ-Эл-Эй (университета UCLA). Уезжал рано, приезжал после семи, каждый божий рабочий день. Ягненок, трудолюбивая пчелка. Зарабатывал он на пять тысяч меньше меня в год. Сама понимаешь, что этот пункт никак не являлся плюсовым моментом для него в моих глазах. Я зарабатывала тогда пятьдесят в год, а он сорок пять. Но у меня-то рабочее время половинчатое почти. А у него полное. Ну, ты меня поняла, про его доходы. Жил Ягненок в своей собственной небольшой «двухбедренной» (2-bedroom) двухэтажной квартирке (с одним туалетом) без гаража, то есть мне мою новую машину надо было ставить где попало, на каких-то сомнительных спотах (spot – тут – парковка), рядом с чьими-то сомнительными машинами каких-то многолетних мексиканцев-соседей. Это был второй пункт, который ему совсем не льстил в моих глазах. Возраст у него был подходящий, на пять лет моложе меня. Мое предпочтение в мужчинах – это мой возраст или чуть моложе: как-то так по жизни получилось.

Вот мы с ним однажды встретились и поехали на пляж. На пляже, который я выбрала, было довольно-таки пустынно. Я, как и я, практический и деловой человек, расстелила простынку, и мы легли прямо в шортах (а он по-моему и в джинсах, ну кто там на него смотрел в чем он, я ведь мужа искала, вот ведь все запомнила про квартирку, и гараж, а вернее его отсутствие, и доход). Было не очень жарко. Я вытащила Достоевского на английском и стала Ягненка доставать чтением вслух. Читать вслух я люблю с детства. Помню, мама говорила, что из детского садика меня воспитатели не хотели отпускать, говорили, что я им очень помогаю тем, что читаю детям вслух. Это как бы и читаешь, и одновременно делишься со слушателем. Братья Карамазовы. Ну подоставала я его, пока мне не надоело это занятие. Тогда я вскочила, энергично сбегала к воде, сполоснула ноги в океане, и мы решили направиться домой. Мне казалось, что я ему оказываю большую честь своим присутствием в его машине. Так, он меня высадил у моего дома и мы распрощались. Скучища! Потом еще раз мы встречались и ездили в Сан-Димасский парк, опять читать Карамазова, конечно.

Тогда, после парка, я к нему в гости зашла в квартирку – хотелось получше товар лицом рассмотреть.

Мы сидели у него в маленькой гостиной перед ТВ. Сидели на диване, чуть поодаль друг от друга. На мне были светлые короткие шорты. Когда сидишь, ноги такие толстенькие, симпатичные, все такие открытые (они-то у меня не толстые от природы, хотелось бы чуточку потолще). Ягненок сидел – сидел, в очках ведь он в толстых, как и положено настоящему библиотекарю-очкарику. Глядел – глядел, вроде как будто бы в экран, через свои толстые очки.

Потом вдруг как выпалит (осмелился, видать): «Зоя, у тебя ноги красивые!», и очень прям от скромности чуть не умер при этом. Ну, я поблагодарила за комплимент, и вскоре ушла домой.

Ну и тут, ты помнишь, когда ты к своим приезжала однажды летом, мы с тобой купались в бассейне в Ранчо Кукамонга, и я тогда рассказывала тебе, что встретила Тима. Но ничего пока на тот момент было непонятно. Ну вот где-то по времени, это тогда и было – лето две тысячи седьмого.

И вот один раз мы что-то с Тимом поцапались, что-то он мне нагрубил. И я сказала себе «Не хочу грубияна видеть. Вот пойду и соблазню библиотекаря, и этим смелым жестом автома-

тически отрежу себе всякие пути обратно к Тиму, потому что завяжу новый роман вот с серьезным человеком». Моя мама, тем временем, все время меня отчитывала и пилила по телефону: «Вот выходила бы ты замуж за тихого библиотекаря и жила бы с хорошим мужем в спокойствии и счастье.»

Конечно, если бы я это сделала, я могла бы быть замужем сейчас за тихим смирным библиотекарем и жить с ним в его скромной квартирке. Но скучища! И еще, мне надо было бы переступить через себя. Нам, женщинам, ведь подавай флиртовых плейбоев.

Сказано-сделано. У меня такой характер. Если есть проблема, я быстро составляю план о том, как ее решать, и иду, и еду, и привожу план в исполнение. Вот так тогда и было. Но! Привести тот план в исполнение я не смогла.

Оказывается, есть еще и «сердцу не прикажешь». И вот это точно то, что случилось с бедным библиотекарем, который меня, взбалмошную, видел тогда в последний раз.

Я Ягненку позвонила и говорю: «Я к тебе приеду». Приехала. Он мне и вишни, и салаты, все стал на стол выставлять, и какой-то чай, и телевизор настрополил – не надышится. Видно, про ноги думает. Ну а я угостилась, побеседовала, телевизор посмотрела, (ну очень скучно); ну откуда романтике взяться в такой непролазной скучище, да еще в маленькой квартирке! В девять часов вечера у меня сердце заныло и завыло на все голоса, и я почувствовала себя абсолютно несчастной, ну совсем заскучала по Плейбою. Так я тогда называла Тима – про себя, а иногда и ему это говорила, как бы в шутку, чтобы не обидеть. Тогда я, внешне спокойная, как Штирлиц, сразу вдруг надела на себя личину жуткой усталости (женщины такие прекрасные актрисы когда им что-то нужно) и говорю Библиотекарю: «Ой, знаешь, я что-то так устала, поеду-ка я домой: спать-отдыхать». И ушла. А сама, какое там спать! Какое отдыхать! Умираю по Плейбою. Приезжаю домой, бегу к телефону, хватаю трубку, набираю номер, и говорю без всяких предисловий (а зачем предисловия, ведь мы ребята конкретные): «Ты меня хочешь увидеть?» Плейбой был в казино, и да, увидеть меня хотел. Вот так я и прибежала к нему сама, уже второй раз. И тогда вот я сказала себе: «Не можешь его бросить, значит надо за него выходить замуж». Вот и вышла.

А невинный библиотекарь (принес на первое свидание двадцать четыре розы – в Америке дарят четное количество цветов) так никогда и не узнал, в каком вихре страстей он крутился вот в эти три-четыре встречи с этой взбалмошной русской учительницей; и как этот вихрь, своевольно, не захотел его коснуться.

Июль 2009 г.

PS

Заглянув в будущее, отмечу, что замужество с «плейбоем» продолжалось шесть лет, после чего я от него сбежала – сразу и не оглядываясь, оставив его с разбитым сердцем главное по причине того, что сбежала рабыня, которая обрабатывала и его, и его дом, успевая еще и свою работу делать, и ему с его бизнесом помогать. Тут не только у ленивого американца, а и у нормального человека сердце разобьется от такого неудобства! Про этот период у меня написано тут и там в разных рассказах. Никакого более монументального повествования об этом я так и не закончила. Знаете, это так уж получается: бывают даже и хорошие, важные события в жизни, но если в них какая-то перчинка или горчинка, как-то никак не удается их закончить. Начинаешь писать и потом что-то останавливает. А вообще-то наверно у всех людей, которые пишут, очень много остается неопубликованным. Я не исключение из этого правила.

Массажист

У меня на работе из чека зарплаты каждый месяц страховая компания срезает деньги на медицинские расходы на общую сумму примерно полторы тысячи в год. Я выбираю на год эту программу в моей медицинской страховке учителя, работающего на штат Калифорния, по которой на эти деньги могу покупать лекарства и медицинские услуги, и по корешкам чеков мне эти деньги возвращают. В список медицинских услуг, за которые возвращают деньги, входит кайропрактор (chiropractor). Я его в шутку называю «костолом» или «костопправ». Согласна, звучит грубовато, ведь это врач, который учится много лет своей профессии. Хотя эта врачебная профессия и не вполне признается в американской медицине, но многие люди пользуются услугами этих сертифицированных врачей по костям, и находят их очень полезными.

Под конец года у меня осталась тысяча долларов неиспользованных денег из этой страховочной программы. Я держала этот фонд до последнего, на случай какой-нибудь срочной зубной необходимости мне или мужу. Если эти деньги не потратить, то они пропадают. Когда настала пора эти деньги использовать, я нашла по интернету ближайший офис кайропрактора и сказала, приехав туда: «Мне надо в вашем офисе оставить тысячу долларов».

Не пациент, а мечта. Я и пациент, и покупатель – мечта. Я все покупаю сразу на импульсе, не торгуясь. (Я купила дом в Индиане по интернету, вот все никак не могу рассказ написать, но много народу рассмешила рассказывая об этом). Ну конечно же кайропрактор несказанно обрадовался. Им оказался симпатичный американец Бенджамин моего возраста, а его офис находится всего в пяти минутах езды от дома где я живу. Я прибавила: «Я здоровый человек и выправлять мне нечего, но массажами бы я попользовалась».

Массажистом оказался молодой человек по имени Джозеф, лет тридцати двух на вид. Пока он меня массажировал в течение нескольких недель, он все подбирался дальше и дальше, открывая простынку больше и больше. Я тем временем, чтобы не умереть ненароком от скуки в течение массажного часа, травила ему всякие байки. Прочла ему пару своих статей, спрашивая о его мнении. Он мне рассказывал о себе, отвечая на мои вопросы. Как-то постепенно, само собой, у нас после всех этих разговоров сложились теплые дружеские отношения.

Однажды я пришла в кайропракторский офис, залегла на массажный стол, и говорю: «Знаешь Джозеф, я жутко отстаю по своему испанскому чтению. Так как ты по-испански не понимаешь, я буду тебе с листа переводить на английский. Таким образом я хоть какую-то информацию вычитаю». Он не возражал, как всегда. Я с места в карьер бросилась читать свой испанский учебник. В процессе чтения, я наткнулась на имя – Габриэль Гарсия Маркес. Это латиноамериканский (из Колумбии) писатель-прозаик, лауреат Нобелевской премии за свой роман «Сто лет одиночества». Он примерно ровесник моей маме, где-то тысяча девятьсот двадцать седьмого года рождения, то есть ему примерно восемьдесят два года. Я про него не только много читала в курсе изучения испанского, но и бросила учебу в университете на очередной диплом из-за инцидента, связанного с одним из последних произведений пожилого писателя с интригующим названием «Воспоминания о моих грустных шляхах».

Выбрала я это произведение конечно же из-за интригующего названия, а также и из-за его маленького объема – всего сто страниц – ну и, наконец, из чисто женского любопытства, ну что это там восьмидесятидвухлетний известный писатель пишет перед смертью (у писателя диагноз рак уже несколько лет). «Воспоминания о шляхах» я изучила досконально, купив книжку и на испанском, и на английском, так как изучала это произведение в двух испанских классах: в одном сама выбрала, а во втором классе оно было в программе. И вот из-за сочинения по роману у меня возник конфликт с преподавателем в университете. Конфликт плевый, ничего серьезного, но я, подумав, написала письмо декану, что оценка занижена. Это имело

принципиальное значение – оставаться ли в программе или не стоило платить больших денег за учебу, потому что все равно не сумеешь закончить с низкими оценками.

И вот тут, во время массажа, совсем не успев подумать о возможных последствиях своей болтовни, меня как понесло про этого Маркеса, ну а потом конечно и про его шлюх. Я уж свой учебник отложила, и позабыла, что мне его надо было концентрированно читать, потому что я вся ушла в волнующую меня тему: как там советник в университете, и как там преподаватель, и как там несправедливо меня оценили. Но в университетскую тему моего семилетнего многострадального изучения испанского («моя борьба, мои страдания, но пасаран», как я это называю) незаметно проникли Маркесские шлюхи, потому что я все всегда люблю рассказывать в подробностях (это вероятно многолетняя учительская привычка объяснять все в деталях), а «грустные шлюхи» как раз имели большое место в моем рассказе массажисту Джозефу. Мне ведь хотелось поведать о сути своего конфликта с преподавателем университета. Был там такой латиноамериканец с японской фамилией, плюгавенький на вид, доктор наук – в университетах тут все доктора. Он меня почему-то не любил, русскую учительницу, а вот безграмотным латинкам, которые двух слов связать не могли перед классом, хоть испанский и их родной язык, он очень симпатизировал.

Значит, вот Джозефу теперь, чтобы прояснить ситуацию, мне надо было сначала вкратце рассказать о романе, где девяностолетний человек решил сделать себе подарок на свое девяностолетие – поиметь в борделе четырнадцатилетнюю девственницу, благо у него владелица борделя была его подруга. Как вы уже могли догадаться, главный герой там был частым гостем за свою долгую жизнь холостяка, как и сам писатель, который неплохо загуливал по молодости (читайте его биографию).

Бедный Джозеф-массажист! Ну и клиентка попалась. Тарахтит и тарахтит про каких-то шлюх, бордели, девственниц. А он-то честно выполняет свою работу, со специальным массажным маслом массирует мне ступни. И вдруг я почувствовала ступней, что мои рассказы произвели эффект на бедного Джозефа (не знаю как на вас, но на меня от этого имени веет чем-то библейским, вернее веяло, вот до этого момента). Я ступню отдернула и мне стало ужасно смешно, но не хотелось его обижать своим смехом, который прямо рвался из меня. Я поняла, что пока я что попало тут Джозефу болтала, кстати со своим русским «дубовеньким» акцентом, произошли естественные последствия, и теперь вот расхлебывай, болтунья. Когда я все это сообразила, то стала запинаться в своем рассказе, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не расхохотаться, а наоборот, постараться как-то нерезко поменять тему на более холодную, которая бы могла подействовать сейчас на разгоряченного библейца как холодный душ. Причем сделать это надо было как-то очень дипломатично, не прерывая разговора. Смех меня раздирал. И жалко было Джозефа, и себя хотелось ругать за глупость, и одновременно мне было очень весело и даже как-то по-женски лестно. Я предвкушала, как я завтра в классе расскажу студенткам-подружкам про массажиста, и как мы будем хохотать. У меня сейчас две замужние подруги в классе – мексиканка и русская.

На другой раз я опять пришла на массаж и опять я чувствовала ступней что-то не массажное, это была ткань брюк. Он был всегда одет в черные брюки. Я опять осторожно отдернула ступню, пару раз, он не настаивал, он воспитанный молодой человек. Потом наш воспитанный молодой человек подобрался к плечам, и после массажа плечей, закинул удочку подальше, сказав: «Я могу сделать массаж живота, я хорошо изучал весь курс массажа. Многим клиентам это нравится». По-английски клиент и клиентка (client) звучит одинаково, но я уверена, он имел ввиду женщин-клиенток. Я в это время лежала на спине, прикрытая простынкой. Он стоял у изголовья. Я смотрела ему прямо в глаза и соображала, это длилось наверно с полминуты. Я думала, что за три недели массажей он созрел и одомашнился тут с моими рассказами до того, что совсем осмелел. Подумал наверно, раз я ему тут байки травлю про Маркеса и про его шлюх, так я ему и позволю под шумок массировать все остальное (чего уж там мело-

читься). Итак, я смотрю в большие черные умно-пытливые глаза по всей видимости неженатого молодого мужчины, и все это соображаю, всю Джозефовскую эволюцию вызревания. Мне странно. Он был невинным массажистом до этого, а теперь вот, открой ему живот. Ну ладно там ноги, плечи. Ну вот ноги дошли до отдергивания ступни. Но живот! До чего же дойдет массаж живота? И что я там смогу отдернуть? И я ответила: «Нет Джозеф, спасибо, я верю, что ты опытный массажист. Но я не буду чувствовать себя комфортно. Я замужняя женщина, я старше тебя. Ты – молодой мужчина. Нет, спасибо. Мы массаж живота делать не будем».

На следующий раз я пришла в офис уладить конфликт с бумагами, так как из страховой компании. На следующий раз я пришла в офис уладить конфликт с бумагами, так как из страховой компании пришел запрос на дополнительное подтверждение диагноза. Они не хотели безоговорочно оплачивать массажи. Они хотели, чтобы им от моей учительской зарплаты остался побольше кусочек, как им и остается от других учителей, которые не знают что можно ухитриться так потратить деньги.

Я поговорила с доктором Бенджамином и сказала, что я откладываю свои массажи до прояснения с бумагами. «Поэтому, – добавила я, – пока платить мне нечем за массаж». Тут появился, откуда ни возьмись, Джозеф, и говорит: «Зоя, я тебе бесплатно буду делать массаж, пока ты не прояснишь с бумагами». Это была странная и необычная просьба для профессионального кабинета, но так как я туда уже приехала и время было назначено заранее, я сказала: «Если Бенджамин разрешает, хорошо». И вот Джозеф дорвался до бесплатного, то есть сделал мне массаж бесплатно. На следующий день я позвонила в офис и отменила все назначенные массажи «до прояснения с бумагами», как я выразилась. На самом деле, бумаги бумагами, но зачем мне молодой массажист, который раскипятился до того, что хочет бесплатно работать.

Я рассказала эпизод с животом своему супругу. Это мой второй брак в Америке, мы вместе два с половиной года. Сначала он ничего не сказал. Но через дня три до него видно, как до жирафа, дошла информация. Он сказал: «Ты бы могла подать в суд и тебе бы уже не надо было никогда работать». Он имел ввиду подать в суд на сексуальные домогательства со стороны работника медицинского офиса. Это дело было бы притянутым за уши, но тут действительно лживые женщины это делают в Америке. Сами кувыркаются с боссами, а потом в суд. Типа Моники Луински. Но в ее случае она так и осталась Моникой, а Клинтон так и остался Клинтоном.

Хотя, действительно, она привлекла к себе внимание широких масс и средств массовой информации на некоторое время, и как последующий эффект, конечно заработала деньги, так или эдак, на этом инциденте. Например, платье продавала по Интернету с пресловутым пятном. Самое смешное, что всегда найдется дурак, который захочет такое платье купить за баснословную цену. «Баснословную» по двум причинам: потому что «басня» про Клинтона и Монику сложилась, «а ля Крылов с перцем», и потому что цены на такие вещи взвинчиваются сумасшедшими, которые хотят это купить. Особенно в этой стране не надо долго искать любую форму сумасшествия. Этого в полном ассортименте представлено в этой самой демократической культуре. Своим внукам Моника будет рассказывать о своем знакомстве с президентом Клинтоном. Заслужит ли она уважение внуки? Это смотря какая внучка. Чего там Монику вспоминать. На моего собственного мужа работает «чиканка», которая его держит в страхе, что якобы может подать на него в суд.

Чикано (chicano) – это официально принятый социальный термин для второго или третьего поколения мексиканцев, родившихся тут в Калифорнии, в Америке. Она была его подружкой (girlfriend – заимствование, которое, я смотрю, вошло в русский современный разговорный язык, как и многие другие слова английского языка, особенно компьютерные), и шесть лет жила у него в доме на всем готовом. Чудеса американской женской эмансипации – всякая дрянь необразованная и лживая может открыть рот и пригрозить тебе судом. Если ты американец, и имеешь свой маленький бизнес, и при этом не хочешь ходить на работу,

а дрянь обрабатывает твои три бумажки, называя себя необоснованно (никто ведь не знает, что нет даже колледжа, да и школьный диплом не проверяли) и гордо «офис менеджер» (office manager), и сидит у тебя на зарплате, то тебе выгоднее ее продолжать держать, чем слушать ее дурацкие угрозы, слезы, жалобы, да еще потом придется искать новую, опять всему обучать. Причем чиканка автоматически двуязычная (английский и испанский), что конечно замечательно для любого бизнеса, особенно в Калифорнии, где миллионы нелегальных иммигрантов из Мексики. Вы наверно спросите, как это, «автоматически двуязычная». Здесь, в южной Калифорнии это обыденно: дети рождаются у неговорящих по-английски малограмотных мексиканцев-родителей, перебежавших через границу в США, Калифорнию. Когда дети идут в школу, то учатся на английском. Без всяких особых заслуг или усилий такой ребенок растет, говоря на двух языках. Так что у нашей чиканки есть свои преимущества. И я уже привыкла к ее звонкам, особенно когда она звонит днем из офиса, а мы прилегли отдохнуть (на ею же купленной спальне белого дерева «от Собакевича», добротная такая, массивно-дубовая, как чиканские плечи и подбородок). А вот если найдешь новую работницу для офиса, будет ли она лучше – не в смысле плечей и подбородка конечно, а в смысле рабочий качеств именно для этого бизнеса? Много шансов, что не будет. Как говорится, из двух зол меньшее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.